

Толычева Т.

Семейные записки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Т11

Т11 **Т. Т.**
Семейные записки / Толычева Т. – М.: Книга по Требованию, 2023. – 219 с.

ISBN 978-5-519-77275-4

ISBN 978-5-519-77275-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Давно оцѣнены интересъ и значеніе записокъ и семейныхъ воспоминаній всякаго рода. Лишь бы онѣ были составлены добросовѣстно безъ прикрасъ, въ нихъ непременно отразится характеръ времени, къ которому онѣ относятся. Тутъ даже не требуется таланта. С. Т. Аксаковъ составляетъ счастливое исключеніе, но у всякаго есть своя семейная хроника. Вотъ почему я рѣшилась соединить въ одинъ томъ мои воспоминанія, напечатанныя частію въ *Русской Рѣчѣ*, и частію въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Одни составляютъ необходимое пополненіе другихъ. Въ это изданіе вошли

также новые отрывки, еще не напечатанные. Все достоинство моихъ записокъ заключается въ строгой истинѣ ихъ изложенія, но смѣю надѣяться, что и по этому скромному достоинству онѣ представятъ какой-нибудь интересъ для читателя.

Т. Толычова.

I.

Семенъ Васильевичъ.

Стариковъ когда нибудь

• • • • •

Надо будетъ помянуть,

Помянуть и этихъ нужно.

А. Пушкинъ.

Трудно въ наше время говорить о своихъ предкахъ: нынѣшнее русское общество не заражено родословнымъ духомъ, и слава Богу! Мнѣ кажется однако, что принципъ этотъ, какъ и всякій другой, можетъ найти свое историческое оправданіе; если онъ существовалъ, то значить онъ имѣлъ въ свое время право на существованіе. Если онъ отжилъ свой вѣкъ, и палъ подъ напоромъ новыхъ идей, то въ немъ все-таки слѣдуетъ уважать ту долю нравственной мысли, которая породила его.

Къ тому же есть прирожденное человѣку чувство, которое едва-ли не переживетъ всѣ исто-

рическіе перевороты: это чувство—законная гордость, съ которою мы сознаемъ, что намъ была передана честная и неиспорченная кровь. Съ дворянскимъ или рыцарскимъ предразсудкомъ это чувство не связано неразрывно: я полагаю, что этотъ предразсудокъ ни что иное, какъ форма, въ которую извѣстная эпоха облекла это естественное чувство. Форма вымерла, какъ вымираетъ всякая форма; чувство осталось, потому что всякое чувство бессмертно. Рядомъ съ девизомъ: *Noblesse oblige*, который съ гордостью провозглашался благороднымъ рыцаремъ, я укажу на одно знакомое мнѣ въ Каширскомъ уѣздѣ и извѣстное во всемъ околоткѣ своею честностью крестьянское семейство. Это семейство, бороня землю, не безъ гордости также говорятъ: «Намъ срамиться не приходится: мы Семеновы». И отецъ будетъ передавать сыну, что Семень, имя котораго перешло къ нимъ въ прозвище, говорилъ дѣтямъ умирая: «Живите честно, чтобы мнѣ и на томъ свѣтѣ любо было». Врядъ ли самый искренній демократъ вспомнеть съ удовольствіемъ о томъ, что его отецъ или дѣдъ былъ палачемъ.

Итакъ, если наши предки заслуживаютъ уваженія, уважимъ ихъ память, какое бы имя они намъ не передали, и какою бы дѣятельностію не наполняли свою жизнь, мирно ли они владѣли плугомъ, честно ли они сложили свою голову на защиту родины. Было бы также мелочно стыдиться скромнаго имени однихъ, какъ и знатнаго рода другихъ.

Мы происхожденія норманскаго. Наши неусидчивые предки искали счастія и въ Польшѣ, и въ Ливоніи, наконецъ поселились въ Россіи, служили ей вѣрой и правдой, и по обычаю людей родословныхъ, бывшихъ въ боярахъ, служили почти исключительно на военномъ поприщѣ: со дня Куликовской битвы до Польской кампаніи 1830 года погибло въ сраженіяхъ болѣе двадцати нашихъ родичей.

Мы были когда-то богаты, но въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія князья Г*** вступили съ нами въ тяжбу. Интересные документы по этому дѣлу хранятся у насъ до сихъ поръ. Василій Яковлевичъ Н***, человѣкъ съ вѣсомъ, велъ дѣло отъ лица всѣхъ своихъ, но его вліяніе было ничтожно въ сравненіи со всемогуществомъ князя Меншикова. По исторіи этого любопытнаго процесса можно прослѣдить всѣ фазисы политической жизни временщика. Дѣло не рѣшается при Петрѣ: Меншиковъ боится Петра, а юстиція боится Меншикова. При Екатеринѣ I исполняется раболѣпно воля *генералъ-поручика Россіи*. Наконецъ, паденіе его при Петрѣ II перерѣшаетъ дѣло въ нашу пользу. Затѣмъ, въ продолженіи тридцати семи лѣтъ мы владѣли безспорно нашимъ имѣніемъ; но вдругъ, нежданно-негаданно, оно у насъ отнято однимъ почеркомъ пера, и отдано князю Г***.

Прадѣдъ мой, Семенъ Васильевичъ и его братья бодро перенесли разразившійся надъ ними ударъ, продали свой конный заводъ, свой старинный московскій домъ, скромно выстроились въ дальней

части города, на мѣстѣ, отведенномъ прежде подъ конюшни для *непъзжалыхъ* лошадей, и по выраженію уцѣлѣвшихъ документовъ, съ *благословенія матери своей*, раздѣлили между собою оставшееся за ними имѣніе, и зажили по пословицѣ: «по одежкѣ протягивай ножки». (*)

Въ своей старости Семенъ Васильевичъ любилъ вспоминать о прежнемъ блескѣ семейства, и часто рассказывалъ своей невѣсткѣ, моей бабушкѣ, о подробностяхъ нашего процесса съ Г***. Старикъ каждый разъ упоминалъ о печальной судьбѣ лицъ, участвовавшихъ въ нашемъ разореніи, или воспользовавшихся имъ: дѣлецъ, хлопотавшій за нашихъ противниковъ, подвергся торговой казни, говорилъ онъ, Меншиковъ умеръ въ Березовѣ, князь Борисъ Алексѣевичъ Г*** въ покаяніи и схимѣ, а тотъ изъ его наслѣдниковъ, которому досталась бѣольшая часть нашего имѣнія, погибъ на праздникъ съ молодою женой подъ обрушившимися палатами князя Масальскаго, что случи-

(*) Довольно любопытно слѣдующее обстоятельство. Одинъ изъ братьевъ Н. Василій Васильевичъ рѣшился переѣхать на житье въ деревню; но доставшееся ему имѣніе было гдѣ-то въ Костромѣ, или въ Вологдѣ, и онъ, не желая забиваться вдаль, купилъ въ Михайловскомъ уѣздѣ маленькую деревеньку, принадлежащую нынѣ моему брату. Эта деревенька прозывается Суворовкой. Довскаиваясь историческаго происхожденія этого имени, братъ нашелъ, что Суворовка, до заселенія своего, называлась Пустошь-Петровъ Крестъ. Принимая въ соображеніе, что Петръ 1-й былъ воспріемникомъ отца великаго Суворова, едва-ли не слѣдуетъ допустить, что Суворовка была пустошью, пожалованною Государемъ на крестъ Василью Ивановичу Суворову.

лось въ годовщину дня, почему-то особенно замѣчательнаго въ исторіи неправаго процесса. «Всякая неправда жди наказанія», прибавлялъ обыкновенно старикъ въ заключеніе своего разсказа, и вся жизнь его отличалась ненавистью къ неправдѣ.

Дослужившись до бригадира, онъ за болѣзнію и ранами перешелъ въ гражданскую службу. Прощаясь съ нимъ, офицеры его полка поднесли вермелевый кубокъ безупречному начальнику и хлѣбосольной его *сожительницѣ*. Манифестаціи такого рода были въ то время рѣдкостью. Семенъ Васильевичъ прослезился, но рѣшительно отказался отъ богатаго подарка, и просилъ своихъ сослуживцевъ заказать ему на Измайловскомъ заводѣ стеклянный кубокъ съ тою же надписью, Скромный подарокъ, который онъ берегъ какъ сокровище, уцѣлѣлъ до сихъ поръ, и восьмилѣтнему праправнучку Семена Васильевича рассказываютъ его исторію.

Онъ любилъ лошадей и охоту, и перейдя въ гражданскую службу, улучалъ иногда свободное время, чтобы съѣздить въ свою подмосковную, полюбоваться на небольшой конный заводъ, и взять два-три поля съ гончими. Разъ, пока онъ охотился, явились къ нему на поклонъ купцы, замѣшанные въ дѣлѣ, рѣшеніе котораго зависѣло отъ моего прадѣда. Въ это время мало вѣрили въ судейскую неподкупность, и купцы, зная, что Семенъ Васильевичъ отказывается отъ взятокъ, рѣшили, что онъ вѣроятно боится огласки, и улучили удобную минуту, чтобы предложить ему по-

дарокъ втихомолку. Они знали, что онъ человѣкъ небогатый, знали его пристрастіе къ лошадямъ, и надѣялись прельстить его двумя великолѣпными пугами. Въ ту минуту, какъ челобитчики остановились у воротъ съ своимъ обозомъ, Семенъ Васильевичъ возвратился съ поля. Не вспомнилъ онъ себя, когда узналъ въ чемъ дѣло: въ старикѣ заговорила со всею силой молодости его горячая кровь: «Трави ихъ! спускай собакъ!» крикнулъ онъ своимъ охотникамъ. Приказаніе было исполнено, и не безъ увѣчья выбрались изъ деревни купцы съ своими породистыми лошадьми.

Разсказъ объ этомъ происшествіи мы слышали между прочимъ отъ старика, который умеръ на нашей памяти. «Мой батюшка часто объ этомъ вспоминалъ, говорилъ онъ. Онъ былъ тогда доѣзжачимъ при покойномъ генералѣ. Сказывалъ, что кони-то были ужъ больно хороши. Кабы тогда не погорячился старый баринъ, знатный былъ бы у насъ теперь заводъ.»

Мой прадѣдъ былъ вспыльчивъ, но добръ, ласковъ и гостепріименъ, и пользовался заслуженнымъ уваженіемъ и любовью въ кругу знакомыхъ и многочисленной родни. Онъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, когда его родственники и пріатели поднесли ему въ день именинъ гербовую печать съ девизомъ: *правда*. Въ этомъ девизѣ есть геральдическая невѣрность, но за то вѣрная оцѣнка всей жизни старика.

II.

Василій Семеновичъ (*).

Sa main, pour un serment, valait les mains royales...

V. Hugo.

Дѣдушка мой, единственный сынъ Семена Васильевича, очень гордился древностію своего рода, своимъ незапятнаннымъ гербомъ и въ особенности девизомъ, завѣщаннымъ ему отъ отца: *правда*. Этому девизу онъ оставался вѣренъ весь свой вѣкъ, и въ свою очередь завѣщалъ его, умирая, своимъ потомкамъ.

Онъ женился еще при жизни Семена Васильевича, и домъ старика оживился присутствіемъ красивой восемнадцатилѣтней хозяйки. Молодые веселились и много выѣзжали въ свѣтъ, и моя бабушка любила, въ старости, вспоминать объ этомъ

(*) Эта эпоха такъ уже близка къ намъ, что я рѣшилась измѣнить собственныя имена.

времени: «Генеральство было тогда рѣдкостью, и очень уважалось; не то что теперь, говорила она. Мнѣ часто случалось слышать, входя въ церковь, въ собраніе, или въ магазинъ: это невѣстушка генерала Н***, и мнѣ уступали мѣсто, и прислуживались». И старушка прибавляла обыкновенно, сѣтуя о развратѣ нашего времени: «А нынче все ни почемъ.»

Василій Семеновичъ, послѣ кончины своего отца, вступилъ во владѣніе всѣмъ наслѣдствомъ, которое состояло изъ большого дома въ Москвѣ и трехсотъ душъ. Семенъ Васильевичъ, за служебными недосугами, не заглядывалъ никогда въ тверское имѣніе, которое пришло въ упадокъ, и стало давать очень скудные доходы. Отсутствіе правительнаго надзора, грабительство начальниковъ и сосѣдство торговыхъ селъ совершенно разорили крестьянъ. Они стали промышлять конокрадствомъ, и Воробново сдѣлалось притономъ воровъ и гулякъ всего околотка. Дѣдушка мой рѣшился приложить къ нему руки. Онъ не любилъ ничего откладывать до завтра; выписалъ немедленно старосту, отыскалъ подрядчика, и приказалъ приступить къ постройкѣ дома, благо лѣсу въ имѣніи было вдоволь. «Крестьяне не видали никогда своихъ господъ, рассказывала моя бабушка, и пришли въ ужасъ, когда узнали, что мы собираемся жить въ Воробновѣ.» Они посоветовались, и нашли наконецъ радикальное средство для отвращенія предстоявшей имъ напасти: сожгли только что выстроенный домъ. Но моего дѣда было одинаково трудно и напугать,